

А. Э. Васильева

Изображение войны в романе В. С. Маканина «Асан»

Данная статья является частью исследования «Литературные традиции в прозе В. С. Маканина», посвященного традициям русской классической литературы в прозе писателя, и раскрывает изображение войны в романе В. С. Маканина «Асан». Вечные вопросы, затрагиваемые в произведениях писателя, никогда не перестанут волновать человечество, но как их преподнести читателю, чтобы заставить вновь задуматься? Писатель по-своему раскрывает вечную тему, показывая, что войны, в классическом понимании, давно нет. Для героев романа война – работа, место поиска выгод, привычная среда обитания. Противостояние народов уходит на второй план. Но не все герои приняли правила этой войны. Где я?, Где мое место в этой войне?, Нужна ли война? – попытку ответить на эти вопросы совершают герои романа, не подстроившиеся под обстоятельства войны, где нет места героизму, а всем правят деньги. Противоборствующие стороны связывают взаимовыгодные отношения, а жизнь человека ничего уже не значит. Бессмысленность и рутинность войны подчеркивается практически в каждом эпизоде романа. В. С. Маканин оставляет читателю пищу для размышлений, напутствие – пора прекратить вековой бессмысленный конфликт. Но будет ли писатель услышан?

Ключевые слова: «Асан», роман, война, восприятие героя, выгода, среда обитания, отсылка, обстоятельства.

Anastasiya E. Vasil'eva

The depiction of war in V. S. Makanin's novel "Asan"

This article is part of the study "Literary Traditions in V. Makanin's Prose", dedicated to the traditions of Russian classical literature in the writer's prose, and reveals the image of war in V. S. Makanin's novel "Asan". The eternal questions raised in the writer's works will never cease to excite humanity, but how to present them to the reader in order to make them think again? The writer, in his own way, reveals the eternal theme, showing that war, in the classical sense, is long gone. For the heroes of the novel, war is a job, a place of seeking benefits, a familiar habitat. The confrontation between peoples fades into the background. But not all heroes accepted the rules of this war. Where am I? Where is my place in this war? Is war necessary? – an attempt to answer these questions is made by the heroes of the novel, who did not adapt to the circumstances of the war, where there is no place for heroism, and money rules everything. The opposing sides have a mutually beneficial relationship, and a person's life no longer means anything. The senselessness

and routine of war is emphasized in almost every episode of the novel. V. S. Makanin leaves the reader with food for thought, parting words – it's time to end the age-old senseless conflict. But will the writer be heard?

Key words: "Asan", novel, war, perception of the hero, benefit, habitat, reference, circumstances.

Тема войны на Кавказе частично раскрыта В. С. Маканиным в рассказе «Кавказский пленный» [5]. Ефременков А. С. отмечает: «Герои рассказа – солдаты, постепенно теряющие все человеческое в характере, живущие в условиях постоянного нервного напряжения» [2, с. 18].

Продолжая затронутую в рассказе «Кавказский пленный» [5] тему войны, В. С. Маканин развивает ее в большом прозаическом жанре – романе. Кравченкова Е. А. пишет: «Автобиографические мотивы и автоцитаты связывают воедино разрозненные произведения В. С. Маканина» [3, с. 17].

Война на Кавказе – одна из «вечных» тем русской литературы, тем страшнее осознавать, что длящаяся веками война уже настолько привычна, что в ней не видят смысла даже враждующие стороны. Никто не помнит, за что воюет, уже смешалась мирная и военная жизнь: «Мы здесь живем. Мы здесь воюем» [4, с. 61]. Герои ходят друг к другу в гости, отец майора Жилина приезжает погостить и свободно ходит по городу, офицеры строят дачи, отправляя домой заработанные деньги. Будто здесь они на работе, в маленьком мирном городке вроде родного Жилину Ковыльска-на-Урале, но никак не в горячей точке. Однажды в повествовании мелькает: «Из штаба – общий запрет на проезд в Чечню всякой родни» [4, с. 121], – что показывает нам – приезды часты, обычны. Более того, после запрета все равно приезжает и красавица-жена Базанова, и солдатские матери. Запрещено, но не всем.

Уже на первых страницах романа мы в лоб сталкиваемся с восприятием войны героями: «Ему бы поскорее избавиться <...> от этой гульной необстрелянной орды. И от войны вообще, мать бы ее перемать!» [4, с. 6] – думает встречающий новобранцев на вокзале командир. Интересная деталь – русских солдат называют словом «орда», хотя в нашей культуре оно связано с татарским нашествием, что, казалось бы, не имеет отношения к конфликтам Кавказа. Но мы вспоминаем, что в «Кавказском пленнике» Л. Н. Толстого [8] «татарами» называли как раз местных жителей Кавказа. Повторяется слово по отношению к русским солдатам еще раз в этой же сцене. Подмена «своих» и «чужих», отсылка к литературе прошлого лишней раз акцентирует внимание читателя на том, что на этой войне все давно перемешалось: «Кинулся к проходившим мимо железнодорожным работягам, чеченцам и русским» [4,

с. 7]. Чеченцы работают на русских, русские – на чеченцев: «Руслан – чеченец, и он ненавидит федералов, и он честен в порученном ему деле. Такой коктейль чувств... Частый здесь, в Чечне» [5, с. 15], но Руслан радуется, когда Жилин терпит потери, но не настолько, чтобы поссориться с ним: «Мы общаемся, как общаются интеллигентные любители футбола. Как многолетние поклонники. Которые (так уж по жизни получилось!) прикипели сердцами к разным – и увы – соперничающим командам» [4, с. 87]. Война – игровое поле, не более того, мотив этот подтверждается и далее: «Горцы нанесли сильный удар. Как забитый гол на футболе... Наши – вашим! Торжество войны!» [4, с. 297].

Новеньким еще предстоит подстроиться под эту войну. Показательными примерами служат образы Алика и Олега, контуженных солдат, они чуть ли не единственные, кто действительно воюет, отстаивает честь русских, защищает страну и товарищей. Но образы их намеренно снижены – солдаты больны, с некрасивыми, некартинными признаками контузии – тремор, слезящиеся глаза, вскрики несвязных фраз о долге и Родине. Самые героические и правильные солдаты – сумасшедшие, «шизы», «отморозки», потерять таких – не жалко, ведь выгоды они не принесут: «Зато смерть шиза никого не удивляет. Гибель его всем кажется закономерной. Для такого, мол, конец вполне нормальный» [4, с. 39]. И эта «нормальность» смерти тех, кто почти герой (относительно остальных) и показывает сущность этой войны. Героизму, честности, рвению нет места здесь, они принимаются как отклонение: «Как честно работают больные на голову... Как ровно!.. Взять, чтоли, еще пару? Набрать взвод контуженных» [4, с. 115]. Удивляться тоже нечему – все обычно, нормально, а кто думает иначе – дурак: «Солдат думает, что он все еще на Волге. Дурачок не успел проститься! <...> Не понимает, что он в Чечне» [4, с. 8] и рядом: «Здесь это обычно... Здесь Чечня... Может, слышали?» [4, с. 8]. Физическое и ментальное нездоровье солдат Алабина и Евского только подчеркивает этот мотив, и оно же объясняет для окружающих их «нестандартное» поведение в условиях войны (этой войны) – юродивые, им можно простить их принципы, но нельзя простить «безделья» – освобожденных от тяжелой работы солдат буквально оплевывают свои же. Но и тут Алик и Олег благороднее, на ступень выше других – не отвернулись, не убежали: «Инстинкт не велит солдату подставлять свою спину» [4, с. 400]. Никто и ничто, даже убедительные доводы майора Жилина, не могут поколебать их понимание войны. Это единственные герои, что не изменили отношение к врагу и повсеместной коррупции. Благодаря ли болезни? Или вопреки ей?

Вновь прибывший честный полковник Анин тоже не сразу усвоил правила игры: «Кто такой этот майор Жилин? Я эту сволочь выведу на свет... Я в штаб!.. Я к генералам!» [4, с. 49], – возмущен Анин. Попытки вести честную войну не принимаются ни своими, ни чужими: «У него перехватывали по дороге все, что он заказывал. Либо наши, либо чичи... Какая разница» [4, с. 49]. Машина власти связывает Анину руки, и он вынужден подстроиться, либо уйти с дороги: «Ему объясняли <...> Армия сейчас полууправляема. Никак не обретет форму... Дисциплины нет. А когда нет дисциплины, пусть снабжением горючкой управляет хотя бы рынок... Иначе хаос» [4, с. 49]. Полковник ломается, подстраивается под среду, и война получает в свои сети еще одну жертву. Подмена ценностей всюду: «Смелый и знаменитый должен быть нелюбим начальством. Логика войны» [4, с. 70].

Подполковник Дубравкин, жаждущий справедливости и порядка также наказан военным судом за сожжение чеченской деревни. Суд этот, в общем-то, формальность: «Упрямылся, а не каялся – за что и под суд» [4, с. 424]. Подполковник спорит, отстаивает справедливость и почти сходит с ума от каждого шанса подстрелить врага, за что в народе прозван психом: «Зато при первой возможности затевал с чичами бой. Никого не слушая, настоящий псих!» [4, с. 425], – получается, тот, кто воюет – обязательно сумасшедший.

«Вместе движитесь... двигитесь... движигитесь... – Красная Повязка запутался в глаголе, самом главном глаголе войны» [4, с. 6]. Нельзя запутаться в том, что важно, а значит, главным стало что-то другое. Это другое – деньги. Мотив торга, присутствующий в произведении Л. Н. Толстого, уже показан был Маканиным в «Кавказском пленном». Здесь же он становится одним из ведущих: продается и покупается все – обмундирование, провизия, оружие, люди живые и мертвые (тело Горного Ахмета не хотели показать без оплаты). Никто ничего здесь не делает без расчета, без выгоды. «Дело идет к большому выкупу или к большой крови» [4, с. 14] – бой и торг стоят в одном ряду. Кто кого переторгует. Часто звучат в тексте романа слова «рынок», «бизнес», «товар», «конкуренты». Не усвоившим правила торга тут не выжить. Даже Алик и Олег, ненавидящие до ужаса, до припадков, торги дают Жилину «денежку», чтобы быстрее вернуться в свою военную часть: «Мать, мол, ему советовала. Будет трудно – вынь денежку» [4, с. 214]. Удивительно, что деньги предлагает именно Алик, остро реагирующий на взятки, способный нечаянно убить за них. Пачка денег становится воплощением, символом зла, зря погибших товарищей, горя. Единственно желание Алика при виде злополучной пачки – выстрелить, уничтожить ее. Он не убийца: «Он испугался толстенькой пачки... Он ненавидел ее» [4, с. 330]. Алик переживает не

столько за смерть Гусарцева, сколько за факт продажи всего и всех. Логика этой войны непонятна Алику, он понимает только, что из-за непрерывных торгов обрываются жизни и не может это принять: «Они думают, солдатня ни хера не понимает, кроме как пожрать... А мы понимаем!» [4, с. 431].

Попадая на засаду чеченцев, русские не боятся смерти: опытные знают, что боя не будет – будет торг. В первой из многочисленных сцен торга в романе звучат слова: «Отряд расслабился. Курили... Автоматы заброшены за спину <...> Прикрыв глаза.... Вялые <...> Но если не будет денег, вялые проснутся. Еще как!» [4, с. 27]. Молодые же не понимают, но и не боятся, а веселятся от безделья, жары и пьянства. Сцена постепенно еще более снижается – появляется физиологическое снижение, грязные шутки. Абсолютная несерьезность (серьезно только к деньгам, ради них готовы на все), грязь и нелепые смерти – вот и все, что есть в этом мире. Торги осложнились случайной смертью чеченца – лишняя кровь. И несмотря на произошедшее убийство, о нем вспоминают мельком, в конце. Оно незначительно: смерть полусумасшедшего чеченца не трогает даже своих. Он для них, что «шизы» для русских, недопонял законов войны, сам виноват: «Оказалось, боевикам убитый был хорошо известен как человек невменяемый. Больной на голову... Чичи вообще не хотели его брать в отряд. Он только мешал» [4, с. 35]. Но и за его смерть нужно заплатить (не упускать же выгоду!): «Однако мертвый был перенесен к моему джипу все же не случайно, не просто так... Полевой Маурбек подсказал мне, чтобы я все-таки оплатил нелепую смерть» [4, с. 37]. Также в ряд самых смелых воинов попадает и рядовой Мухин – несуразный, ослепший, проспавший. Неожиданно слепой боец становится более правдоподобным солдатом, и бой получается настоящим – отражается абсурд войны. Несоединимое проявляется и в сочетании слов: «Не хватало мне воинской тризны. Ночной попойки!» [4, с. 288], высокий и низкий стиль стоят рядом, отражая абсурдность и неестественность ситуации.

Человеческая жизнь, особенно солдатская или крестьянская, здесь ничего не значит – ее за дорого не продать, ни на что не обменять, а, следовательно, и горевать не стоит, они почти вещи: «И никакой поименной переклички!», «Как зрелые сливы. Солдатики сыпались с БТРов прямо на дорогу» [4, с. 10]. Да и везут их, как мешки, в грузовой машине, сложив друг на друга пьяные до беспамятства тела: «Там, Сашик, товар» [4, с. 20], говорит о солдатах в машине полевой командир. Ценной может стать только жизнь кого-то «дорогого» - таким человеком стала известная журналистка, цена за которую дошла до двух миллионов долларов. Демонстрируется полнейшее очерствение даже среди людей, только косвенно касающихся войны. Чего же

мы ждем от тех, кто постоянно в этой среде? Люди сами становятся валютой: «Оба, в полушаге от резни, мы думали о деньгах. Такая на дорогах жизнь. Я думал о денежном (и заодно человеческом) эквиваленте моего бензина» [4, с. 27]. А чеченцы вообще воспринимают смерть врага (конечно, не в бою, а вот так – без риска для себя) как потенциальную возможность стать героем в глазах своих соседей, семьи, потому что убил русского, а не потому что герой: «Всю жизнь после этого можно гордиться. Похваляться... А когда состаришься, детям рассказать. Сорок пять их было!.. Зарезали, как барашков» [4, с. 23]. «Рисуются» и русские: «Василек специально басил по телефону. Это впечатляло <...> Василек играл голосом» [4, с. 34], чтобы напустить страху на подслушивающих чеченцев. Пытается создать видимость войны даже мирный отец Жилина: «Отец был не прочь, чтобы камуфляж произвел впечатление» [4, с. 124], или: «И кое-что им порасскажет. О войне... О сыне...» [4, с. 124], но что он может знать о войне, которой не видел? Это никого не беспокоит, пусть старик потешится. Базанов, имеющий почти такое же (то есть никакое) отношение к войне, как отец Жилина, тоже пытается произвести впечатление на жену: «Орал, нет-нет и зорко поглядывал на жарившееся на огне мясо. Но именно так орут добряки. И прапор это отлично знал. Для здоровья. Для прочистки горла» [4, с. 134], или: «Генерал округлил глаза. Надул щеки. Желая круто выглядеть в глазах жены» [4, с. 135].

В романе красной нитью выводится, что война – бессмысленное явление, приносящее горе, опустошающее души и наполняющее кошельки «власть имеющих». Подтверждение тому есть на каждой странице романа. Мы сразу, в первой главе наблюдаем, что вместо живущих в нашей коллективной памяти образов храбрых витязей на первый план выходят солдаты, не понимающие своей роли в этой войне: «Где эти чертовы чечены? Где война?.. Командиры, ау-ууу! <...> Дайте нам дорогу!.. Мы бы уже вовсю воевали!» [4, с. 11]. Воевать они хотят не из благородных побуждений – здесь нет героев. Просто это – весело. Весело ехать по горным дорогам и петь пьяные песни, весело смеяться над врагом во время рискованных переговоров: «Солдаты наверняка пили уже в поезде. Закусывали домашней курочкой. С картошечкой, прикупленной на полустанках. Веселились. Гоготали» [4, с. 21]. И командующие объяснить, зачем они здесь, также не могут:

- А зачем они ехали?

- Они этого не знают. И я, командир, не знаю... И ты не знаешь [4, с. 31].

Майор Жилин называет происходящее «неопределенность нашей войны на дорогах» [4, с. 31]. Редкие сцены короткого боя также происходят на дорогах, и причина им всегда одна – завладеть чьим-то имуществом. Ни о ка-

ком противостоянии между народами речи нет. Более того, русские взаимодействуют с чеченцами, ведут торговлю. Особенно озабочен налаживанием контактов с местными генерал Базанов, который с головой окунается в чеченскую историю, культуру. Хотя это генерал, но он далее всех от военных действий. Он не участвует в финансовых сделках, а значит – никому не интересен, от его стараний углубиться в культуру чеченского народа толку нет, так как материальной выгоды они не несут. Он удивляется: «Представляете: воинская часть оплачивает чеченцам хлеб! <...> Открытие новой фазы войны – обмен» [4, с. 56], – не зная, что только обменом-то здесь все давно и занимаются. Но позже читатель узнает причину, сделавшую Базанова таким – смерть первой жены: «Военная косточка сломалась» [4, с. 132]. Здешняя война оказывается подходящим местом для опустошенного болью человека – здесь не нужен полководец. «И не подумать, что этот миляга когда-то атаковал "льва пустыни"» [4, с. 133], – удивляются гости. И убит-то генерал Базанов только за звание: «Базанов был нужен для красивого отчета к осени. Чтоб в одной из первых строчек... Генерал!» [4, с. 379].

Военной дисциплины нет. Свои обязанности служащие выполняют небрежно, с ленцой: «Его уже допрашивали на блокпостах, но не всерьез, от нечего делать... На втором блокпосту целый час» [4, с. 42], – час – слишком мало для допроса нашедшегося солдата, но слово «целый» показывает нам, что и этого времени слишком много, что обычно еще меньше. И командиры думают совсем не о войне: «Война касается нас. «Но мало» [4, с. 89]», – говорит Жилин, находящийся вроде бы в эпицентре военных действий. Чуть дальше автор подчеркивает, говоря о Кавказской природе: «Место не для войны. Место для мира. Дивный лесок!» [4, с. 93]. Не нужна война и крестьянам: «Смотрит куда-то далеко... куда-то, где его незамужние дочери... где некормленные блеющие бараны» [4, с. 85], «Спасать родные дома!.. Кинулись, побросав автоматы и тяжелые гранатометы» [4, с. 176]. Война – фикция, видимость, просто вид бизнеса, сама по себе не нужна абсолютно никому.

Хворостинин тщеславен, любим товарищами и командирами. Но не вызывает отвращения у читателя: «Хворь потреблял свою собственную славу» [4, с. 157]. Но героем считается он не за военные подвиги, а за свои умения ловко провести колонны по трудным дорогам. На этой «торговой» войне на первый план выходит ловкость, дипломатия, а не смелость и отвага. Жилин намеренно обесценивает способности Хворостинина, тем самым обесценивая и жизни спасенные людей: «А чем, собственно, восторгаться?.. Он только и умел спасти колонну в ущелье. Только и всего» [4, с. 172]. Геройство вызы-

вает раздражение, здесь нужны не герои, а работники. Читателю же предоставляется самому дать оценку такому герою, отмечает Мотыгин С. Ю.: «Автор предлагает читателю самому выбирать, как относиться к тому или иному герою. Не навязывая своего взгляда на окружающую действительность, писатель активизирует работу читательского сознания» [6, с. 13].

Таким образом, военные действия стали особой средой обитания – все война представляется не только как бессмысленное кровопролитное действо, но как грязь, к которой все привыкли. Чувства героев черствеют в этой среде, и редкие сцены боя вызывают неподдельный ужас у читателя, но герои остаются к ним равнодушны – дело привычки. Мотыгин С. Ю. отмечает: «Закон войны предельно прост: или убьют тебя, или – ты» [7, с. 102]. Вялотекущая война не прекращается, человеческое научились глубоко прятать или вырывать с корнем. М. Амусин писал: «Его [Маканина] «батальное полотно» живописует войну в самых непарадных и «антигероических» ракурсах <...> Маканин показывает войну как продолжение обычной жизни, как средо человеческого существования, пусть и деформированную экстремальными обстоятельствами» [1, с. 407].

Список литературы

1. Амусин М. Ф. Алхимия повседневности: очерк творчества Владимира Маканина. М.: Эксмо, 2010. 448 с.
2. Ефременков А. С. Особенности психологического анализа в рассказах В.С. Маканина 1970–1990-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2006. 21 с.
3. Кравченкова Е. А. Художественный мир В. С. Маканина: концепции и интерпретации: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 273 с.
4. Маканин В. С. Асан. М.: Издательство «Э», 2018. 480 с. (Проза современного классика Владимира Маканина).
5. Маканин В. С. Кавказский пленный // Онлайн-библиотека Максима Мошкова. URL: <http://lib.ru/PROZA/MAKANIN/makanin.txt> (дата обращения: 23.05.2021).
6. Мотыгин С. Ю. Поэтика В. С. Маканина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1997. 16 с.
7. Мотыгин С. Ю. Прямая линия?: Эволюция прозы В. С. Маканина / М-во образования Рос. Федерации, Астрах. гос. пед. ун-т. Астрахань: Изд-во Астрах. гос. пед. ун-та, 2001. 113 с.
8. Толстой Л. Н. Кавказский пленник: собр. соч.: в 22 т. Повести и рассказы (1872–1886). М.: Худож. лит., 1982. Т. 10. С. 208–230.

References

1. Amusin, M. F. (2010) *Alhimiya povsednevnosti: ocherk tvorchestva Vladimira Makanina* [Alchemy of everyday life: an essay on the work of Vladimir Makanin]. M.: Eksmo, 448 s.

2. Efremkov, A. C. (2006) *Osobennosti psichologicheskogo analiza v rasskazah B.C. Makanina 1970–1990-h godov* [Features of psychological analysis in B.C. Makanin's stories of the 1970s-1990s]: avtoref. dis. kand. filol. nauk. Tver'. 21 s.
3. Kravchenkova, E. A. (2006) *Hudozhestvennyj mir B. C. Makanina: koncepcii i interpretacii* [The artistic world of B. C. Makanina: concepts and interpretations]: dis. kand. filol. nauk. M. 273 s.
4. Makanin, V. S. (2018) *Asan* [Asan]. M.: Izdatel'stvo «E». 480 s. (Proza sovremennogo klassika Vladimira Makanina [The prose of the modern classic Vladimir Makanin]).
5. Makanin, V. S. (2021) *Kavkazskij plennyj* [Caucasian prisoner] // *Onlajn-biblioteka Maksima Moshkova* [Maxim Moshkov Online Library]. Rezhim dostupa: <http://lib.ru/PROZA/MAKANIN/makanin.txt> (data obrashcheniya: 23.05.2021).
6. Motygin, S. YU. (1997) *Poetika V. S. Makanina* [Poetics of V. S. Makanin]: avtoref. dis. kand. fil. nauk. Volgograd. 16 s.
7. Motygin, S. YU. (2001) *Pryamaya liniya?: Evolyuciya prozy V. S. Makanina* [Straight line?: The evolution of V. S. Makanin's prose]; M-vo obrazovaniya Ros. Federacii, Astrah. gos. ped. un-t. Astrahan': Izd-vo Astrah. gos. ped. un-ta. 113 s.
8. Tolstoj, L. N. (1982) *Kavkazskij plennik* [The Caucasian prisoner]: sobr. soch.: v 22 t. *Povesti i rasskazy (1872–1886)* [Sobr. op.: in 22 vols. Novellas and short stories (1872–1886)]. M.: Hudozh. lit., T. 10. S. 208–230.